

ЕВГЕНИЙ МАРГУЛИС

КВАРТИРНИК У МАРГУЛИСА

Истории
из мира музыки,
которые нас
изменили

Евгений Шулимович Маргулис
Квартирник у Маргулиса.
Истории из мира музыки,
которые нас изменили
Серия «Квартирник у Маргулиса.
Книга по мотивам рейтинговой
программы на центральном ТВ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63439666

Маргулис, Евгений Шулимович. Квартирник у Маргулиса: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-116097-5

Аннотация

Печатная версия музыкального проекта «Квартирник у Маргулиса».

«Квартирник» – это необычный формат, подкупающий неформальностью и живой творческой атмосферой. В гости к Евгению Маргулису приходят популярные музыканты и камерно исполняют лучшие песни и новые композиции, а также делятся историями из прошлого и планами на будущее.

И если неформальное музыкальное шоу позволяет зрителям увидеть акустические концерты, то книга раскрывает читателю известных и любимых исполнителей с неожиданной стороны.

В книгу вошли встречи с такими группами и музыкантами, как: «Крематорий», «Сплин», «Браво», «Аквариум», «Манго-манго», Гарик Сукачев, Олег Митяев, Алена Свиридова, Горан Брегович и многими другими.

Содержание

Предисловие	6
Группа «Крематорий»	7
Гарик Сукачев	16
Группа «Браво»	26
Группа «Тайм-Аут»	34
«Черный Обелиск». Трибьют	44
Группа «Тараканы!»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евгений Маргулис

Квартирник у Маргулиса

© Маргулис Е., 2021

© ООО «Фри Моушн», текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

Друзья, всего добрейшего! Вот уже почти пять лет как на российском телевидении есть такая радующая душу (как минимум мою и членов моей команды) программа «Квартирник у Маргулиса». Проект редкий и поистине уникальный. Всегда живой звук, редкие гости и любимые зрители!

Проект задумывался как авторский – «Квартирник» имени меня. Но сейчас, спустя десятки выпусков, можно смело сказать: каждый, кто был причастен к программе, так или иначе стал неотъемлемым звеном нашей крепкой цепи. «Квартирник» объединяет сотни людей по всей России, независимо от пола, возраста, социальных и политических условностей. Важно только одно – любовь к хорошей музыке.

Да, все выпуски «Квартирника» в любой момент можно посмотреть на YouTube. Но мы решили осваивать разные форматы! Теперь мы с вами – еще и в тексте. В этой книге собраны тексты интервью звезд российской эстрады 80-х, все они приправлены моими подводками впечатлениями о каждом исполнителе и редкими фотоснимками.

Читайте с удовольствием и смотрите «Квартирник»! Увидимся на НТВ!

Евгений Маргулис

Группа «Крематорий»

«Армен Григорян – прекрасный артист и восхитительный собеседник, одно здоровье с ним общаться и слушать его отменные песенки. Прямо возвращение в молодость!» – Евгений Маргулис.

Армен Григорян: С вашего позволения, Женя, с твоего тоже, я представляю музыкантов.

– Да, это ж твои музыканты!

А. Г.: Потому что ты меня представил, а я как-то, в общем-то, не представляю себя без них! Николай Коршунов – играет у нас на бас-гитаре. Андрей Ермола – играет на барабанах. Этого молодого человека вы узнали абсолютно правильно: он исполнял главную роль в мультфильме «Каникулы Бонифация» – Владимир Куликов! Маэстро Максим Гусельщиков! И невидимый член нашей группы, я даже не знаю, где он сейчас сидит, наш великий и могучий звукорежиссер Сергей Овсянников по прозвищу Ежик!

– И, конечно же, великий сын армянского народа, который по версии журнала под названием «Ноев ковчег», оказывается, самый известный московский армянин, входящий в десятку лучших армян Москвы. Армен Григорян!

(Аплодисменты.)

– Вообще удивительно. Мы, когда разговаривали с Арме-

ном, что-то стали вспоминать былое и думы и вспомнили первую песню, которая сейчас прозвучала, «Катманду» – это как раз название того места, где он жил. А я жил на Войковской – тоже где-то рядом, и это место называлось Шанхай. По гнусности это были одинаковые места. Я посвятил Войковской «Шанхай-блюз», а он – «Катманду». То есть мы, оказывается, ребята из одного рэндисмана. Я хочу вам сказать, что он учился в 167-й школе, а в 167-й школе, пока ее не перевели (она была раньше на «Аэропорте»), преподавала моя мама. Так что у нас есть какие-то такие достаточно веселые сцепки. Ну что, будем играть? Делай все что хочешь.

А. Г.: Раз уж ты вспомнил наши годы, давайте тогда и споем об этом.

(Поют песню «2001 год».)

– Хочу вам сказать, что команда весьма громкая! Как мог ты, о великий сын, играющий на квартирниках в 80-е годы тихую музыку, – перейти именно на этот рок, потому что ты только что делал две характерные рок-позы: скакал, поворачивался к барабанщику. Как так? Потому что тот формат передачи, который мы затевали, предполагал, что это будет квартирник-квартирник – старческая музыка. Вы же пожилые артисты? Акустические гитарки, скрипочка, немножко барабаны, ну контрабас – хрен с ним, так получилось! Как так, Армен-джан?

А. Г.: Евгений, дело в том, что когда я перешел от портвейна к другим напиткам и стал...

– Ты хвастаешься?

А. Г.: Да. И стал экспериментировать с алкоголем, ушел в сторону коктейлей, то же самое произошло и в музыке. Я вдруг стал мешать жанры. И это дало такие результаты, то есть музыка стала разножанровой. Но то, что ты говоришь о скрипочке, – мы можем сыграть и такую музыку!

– Да вы не умеете!

А. Г.: Умеем! Глядя в зал и видя такое количество прекрасных дам, хочется сыграть что-нибудь...

– Неужели у вас есть тихая песня сейчас?

А. Г.: Есть!

– Давай!

А. Г.: Мы сейчас с Максом вдвоем ее сыграем. Посвящаем всем дамам, которые иногда ощущают себя кошками сексуальными.

(Песня «Сексуальная кошка».)

– Вообще для меня удивительно... какого года эта песня?

А. Г.: Точно могу сказать – это 86-й год.

– То есть с первого вашего магнитного альбома?

А. Г.: Второго или третьего – «Иллюзорный мир».

– Вот для меня странно, потому что я помню музыку, скажем, Москвы 83—86-го годов. Ну, 83-й – это царствование «Машины времени», «Аракс» и подобные люди, Юрий Антонов, и вдруг появляется такая московская группа с красивым названием, очень радостным, очень таким витальным и начинает играть подобные песенки – достаточно депрес-

сивно и по-питерско-свердловски. Вот мне почему-то так кажется.

А. Г.: Ну, отчасти, да.

– Зная тебя, как страшно веселого парня... Откуда у парня испанская грусть?

А. Г.: Я всегда играл тяжелый рок. Я очень любил Black Sabbath. Мы пытались играть Джимми Хендрикса. Мы, кстати говоря, ходили на ваши концерты и слушали, как вы играете. Но когда однажды на квартирке у одной известной дамочки, ныне покойной, я услышал Майка Науменко – он все перевернул. Я вдруг понял, что главное в музыке – не поэзия, в песенном жанре. Главное – нарисовать картинку, как это делал он. Если ты, слушая музыку, что-то видишь, как примерно, когда читаешь хороший роман и видишь картинку – скажем, Булгаков: ты видишь солнце, которое падает в Средиземное море, видишь, как идет Понтий Пилат и как страдает Иисус на кресте, то это – настоящее искусство. Не важно, не надо ничего объяснять. И вот Майк это все повернул. Поэтому «питерские» нотки появились в «Крематории» не случайно. Это было под влиянием Майка, тем более что я жил на улице Смольной, недалеко от кинотеатра «Нева», в Ленинградском районе. То есть ветер с Невы туда задул.

– Ну, Майк, как учитель – конечно, тебе повезло! Я с Майком познакомился в 1976 году, ребят, на одной из каких-то свадеб Бориса Борисовича Гребенщикова. Это был Питер. У Борьки была свадьба. Я уже не помню с кем, но это уже

не важно. И, конечно же, мы страшно любили играть любую музыку. Играли «Битлов», «Роллингов», что-то там еще играли. Я думаю, что это не войдет... Мы нажрались, просто как последние свиньи, и падали около микрофонных стоек, потому что это был конец свадьбы и прочее, и прочее. И ходил какой-то нелепый юноша, который нас поднимал с пола, ставил к микрофону. Мы что-то там «домычивали», и этим человеком оказался Майк Науменко, с которым я подружился уже после. Царствие ему небесное, он был гениальный человек. У тебя отличный учитель! Он был мой близкий-близкий товарищ! Ну, играйте!

А. Г.: Так, ну что, по желанию трудящихся сыграем что-нибудь...

– Слушай, а какая у вас песенка стала, вот, самым первым таким радиохитом? «Эльза» или нет?

А. Г.: Нет, «Ветер». «Мусорный ветер», да.

– Сыграешь?

А. Г.: Сыграю, пожалуйста.

– Не жалко?

А. Г.: Нет, не жалко. Но я должен сказать, что это произошло случайно. То есть она вообще никуда не должна была войти, и я написал эту песенку для Театра Спесивцева на Красных Воротах, причем для пьесы «Барабаны в ночи» по Бертольду Брехту. Она совершенно случайно вошла на радио. Но вот пешечка, да стала королевой! Да, действительно!

(Песня «Мусорный ветер».)

А. Г.: Сейчас очень сложно писать песни о любви. О смерти писать просто, а вот о любви...

– У тебя гитара не строит.

А. Г.: Да? Эта строит. Поехали-поехали, ничего страшного. За любовь – что движет солнце и светило.

(Песня «Амстердам».)

– Слушай, я обратил внимание, вы даже не представляете, как двусмысленно звучит объявление группы после конца песни: «Крематорий»! Кайф! Слушай, я хочу тебе задать один нелепый вопрос. Ты ж всегда со скрипкой играл или нет?

А. Г.: В первом альбоме еще и флейта появлялась. А потом Миша Россовский – сейчас, к сожалению, уехал давно, но вот он... да, внес скрипку, и как-то так понеслось со скрипкой. Но все это получилось, потому что начали уже играть на флэтах, когда было время запрета, и мы не могли играть в больших... Вот вы еще играли, по-моему...

– Нет, мы играли, конечно.

А. Г.: Вы играли, в филармонии были, все... А все остальные...

– Нет, в филармонии мы были потом! До этого, пока мы были босóтые, как вы в 70-е, конечно...

А. Г.: Все-таки... уколол!

– ...мы, конечно, играли квартирники. И у нас, я помню, вход был – бутылка портвейна (денег нам никто не давал), ну и какая-то нехитрая снесь – частич в томатном соусе и про-

чее, прочее. И можно было переночевать, потому что каждый что-то приносил...

А. Г.: Но вы неинтеллигентно как-то очень себя вели!

– Послушай, во-первых, я постарше тебя буду, я раньше начал...

А. Г.: Я поэтому и не сажусь. Видишь, стоя, стою перед тобой!

– А-а! Арменчик, все, что хочешь!

А. Г.: Ну, давайте всем обездоленным, брошенным на произвол судьбы миллионам, разбросанным по этой планете, до которых никому нет никакого дела, всем униженным и оскорбленным...

– Ну, конечно, песня веселая, как водится.

А. Г.: Ну, она задумчивая. Это так – немножко полистаем Шекспира, я б сказал.

(Песня «Пиноккио».)

А. Г.: Мы можем много что сыграть.

– У меня ребята голодные. Они могут играть сколько угодно!

А вообще прикольно! Я сижу и вот получаю удовольствие оттого, что Ара играет на Аниной кухне...

А. Г.: Ну, на кухне – тогда мы сыграем про девушек, вальс еще. Ты знаешь, кстати, рассказ такой. Однажды мы играли на юбилее у Родиона Константиновича Щедрина. Он пришел с Майей Плисецкой. Был юбилей в «Останкино». Нас пригласили, видимо, из-за названия, думая, что приедут

крутые «металлисты». Но мы приехали, сыграли один блюз и пару вальсиков. И заходит, значит, Родион Константинович с Майей Плисецкой, говорит: «Ребят, я думал, вы такие сейчас выйдете, а вы-то играете всего лишь вальсок!» Через несколько дней, так как окружение было журналистское. «Родион Константинович назвал жанр, в котором выступает группа «Крематорий», «вальс-рок»!» И после этого к нам это прилипло.

(Песня «Клубника со льдом».)

– Наконец-то оправдали свое название. Это веселая группа, ребята!

А. Г.: Мне смешно, когда говорят: «Крематорий» поет о смерти. Ничего подобного! Мы всю жизнь воспеваем саму эту жизнь. Как сказал Шопенгауэр: «Надо жить так, как будто завтра смерть». То есть жить насыщенно.

– Я хочу вам сказать, вы знаете... Поправь, если я что-то подзабыл. По-моему, вы какое-то время тусовались в «Рок-лаборатории», где-то в середине 80-х. Было такое дело?

А. Г.: Ну, нас забрали. Мы играли концерт в доме Булгакова, в подвале. И нас там взяли. Пришлось написать бумажку, что мы больше не даем концертов, и ждать, пока нам позвонят. Нам позвонили, мы поехали в «Рок-лабораторию», выступили там на фестивале, заняли первое место, нам вручили похожий на фаллос приз...

– И что там было написано?

А. Г.: «Лучшей группе всех времен и народов».

– Играй!

А. Г.: Кто б мог подумать! Самая наша...

– Yesterday-yesterday...

А. Г.: Number two. Самая жизнерадостная песня. Все жизнерадостные, но эта – особенно!

(Песня «Маленькая девочка со взглядом волчицы».)

А. Г.: Спасибо вам! Я полагаю, что если вы все, кто сидит здесь и кто смотрит нас, относитесь к нам с любовью, то знайте, что ваше чувство взаимно всегда!

Из зала: Бис! Еще!

А. Г.: Ну, давайте тогда...

(Песни «Веселый ансамбль», «Безобразная Эльза».)

Гарик Сукачев

«Гарик Иваныч – снег и ветер, огонь и вода, Сцилла и Харибда нашей многострадальной эстрады. А если на это все еще накладывается его дэрэ, то тут вообще тушите свет и забивайте входные двери – на вас надвигается Горыныч!» – Евгений Маргулис.

– Гарик Сукачев на «Квартирнике»!

Гарик Сукачев: Да, это я, это мы. Ребят, между прочим, в этом году – можете тоже как-то аплодировать нам с Саней – двадцать лет «Бойцману и бродяге» (совместный проект Гарика Сукачева и Александра Скляра. – *Прим. ред.*), нашему братскому проекту. Ты, Сань...

– А не погано встретили Саню Скляра? Саня Скляр!
(*Аплодисменты.*)

Г. С.: Гитару возьми, Сань. Там что у нас? Си-минор мы играем. «Ничего не надо» мы решили спеть.

Александр Скляр: Да ладно?

Г. С.: Да, старик, я тоже не очень помню слова, но песня хорошая, мы вот действительно ее просто не пели с тех пор, как вышел «Бойцман и бродяга», вообще ни разу эту песенку.

А. С.: Точно.

Г. С.: Что точно? Я тебе говорю ответственно. Вот сейчас мы споем. Все напрягаются. Поехали! Все как-то внутренне напряглись.

А. С.: Ну, конечно, давно не пели.

(Поют песню «Ничего не надо».)

Г. С.: Ребята, между прочим, можете еще раз похлопать – Сане дали звание заслуженного артиста России.

– В нашем полку прибыло. Сань, скажи, тебе стало лучше жить от этого звания?

А. С.: Я пока еще не понял.

– Я тебе хочу сказать, вот раньше, в советское время, это давало лишних два метра на кладбище и какие-то, наверное, скидки на квартплату. Сейчас, по-моему, нет.

Г. С.: А Дом творчества? А Пицунда, брат?

– Сань, я тебя поздравляю просто так.

А. С.: Спасибо.

Г. С.: Ну давай, вспомним. Мы вспомним «Боцмана и бродягу», да, Сань? Жарко, раздеваться надо. Мы сами не ожидали, что так жарко...

Вообще приятно знаете что? Что здесь свои собрались, потому что чужим людям на самом деле особо никогда не скажешь каких-то вещей, которые говоришь близким друзьям, они знают отчасти, что с тобой происходит, как ты живешь в основном только потому, что твои ближайшие товарищи, то, что называется ближним кругом и так далее. И когда-то Саня написал песню, которую мы сейчас споем, а она меня просто потрясла. И вообще для меня это какие-то вот... Мне приятно это сказать при своем друге, теперь уже у нас, к счастью, наступил тот возраст, когда мы можем это

говорить откровенно, не стесняясь. Да и меня, когда Саня эту песню мне спел, она просто смела абсолютно. Я сказал: «Саня, ты написал шедевр, я никогда ничего подобного не напишу, и мне вообще незачем заниматься этим дурацким стихосложением, потому что ты все уже написал, и мне смысла нет, в общем. Или пойти выброситься из окошка, или поехать на рыбалку. Одно из двух». На что Саня, как обычно, сказал: «Ну ладно, Горыныч, чего ты?» Эта песня, которую написал Саня, называется «Гагара с черным пером».

(Песня «Гагара с черным пером».)

– Гарик, с днем рождения, хочу тебе сказать.

Г. С.: Спасибо, брат!

Сергей Галанин: Гарик, друг мой! С днем рождения!

Все ждут каких-то песен...

Г. С.: «Бригады С» – их не будет.

С. Г.: Мы споем еще более какое-то раннее, поэтому, надеюсь, приятно удивим всех.

Г. С.: Друзья, с нами Андрей Орлов по прозвищу Орлуша. Конечно же, он сейчас выйдет чуть позже и прочтет свой великий стих какой-нибудь у нас. Тебе все равно, а нам будет приятно, раз уж мы здесь собрались.

– Среди нас дети, ты помнишь?

Г. С.: Дети пойдут искать торт. Ну, Серега, скажи, что за песенка. Ваня (Иван Охлобыстин. – *Прим. ред.*), ты хорошо подпевал, на самом деле, так что можете хотя бы оттуда подпевать. У него отвратительный голос, но зато от души. «Пти-

цы поют» – то, что мы споем. Иди к нам. Хочешь, садись со мной? Садись на край, садись, садись, садись.

С. Г.: Это песни из хорошего советского кино – где Олег Стриженов, Леонид Куравлев...

Г. С.: Если что, мы два раза споем. Сейчас твоя звезда зажжется!

Иван Охлобыстин: Я петь люблю!

Г. С.: Друзья, Иван Иванович Охлобыстин! Аплодисменты, переходящие в овацию!

С. Г.: Эту песню, кроме меня, знал еще Мишка Ефремов, которого сегодня нет.

Г. С.: Он на горе Афон.

С. Г.: Молится за нашу программу.

Г. С.: Он на горе Афон с ребятами-альпинистами, выпивает, я думаю. Ну нет, я шучу. Но это дурацкие шутки, естественно.

Поехали, ребята.

(Песня «Птицы поют».)

– Так как это день рождения, то все равно вместо того, чтобы говорить какие-то глупые тосты...

Никита Высоцкий: Гарик, я тебя увидел первый раз, когда пришел из армии, лысый. Год служил, ничего не понимал, и с Мишей отправился в ресторан ВТО – дело было, помоему, зимой 87-го года – и вижу, какой-то человек в кожаном пальто, в танкистском шлеме вылетает нам навстречу, его вышвыривают из ВТО с диким матом. А Миша уже был

с ним знаком. В общем, нас всех оттуда вынесли в результате. Я помню одно, что у меня было испорчено настроение, потому что я хотел посидеть. Но Гарика мы все-таки засунули в машину, и он кричал всем прохожим: «А теперь, теперь домой!» Гарик хороший, я Гарика люблю, как и все здесь собравшиеся. Он мне приказал участвовать в проекте, связанном с Владимиром Высоцким. Вот я в нем участвую и говорю ему спасибо, и ребятам всем спасибо за то, что они это сделали. Ну и поем.

(Песня «Жил я с матерью и батей».)

Г. С.: Давайте, ребята, мы позовем нашего замечательного, просто чудесного и выдающегося, я не боюсь этого слова, Михаила Горевоего, который снялся в фильме Стивена Спилберга в роли советского дипломата.

– А он, кстати, похож.

Михаил Горевой: Два слова скажу. Судьба свела нас с Горынычем в прошлом тысячелетии. А судьбу звали Александр Наумович Митта, он тогда снимал кино. Это был как раз тот самый 86-й год, 87-й, о котором рассказывал Никита Высоцкий. И с того времени мы немного подросли, чуть-чуть постарели. Но посмотрите на Гарика – он может многое. Он универсальный солдат российского кино, музыки. Хотите артиста – пожалуйста, актера, музыканта, певца и кинорежиссера. Я снялся у него в кино, я знаю, он – кинорежиссер. Ну ладно. А то, что мы сегодня попытаемся сделать – это стихи под музыку. Жанр для меня новый, поэтому пре-

дупреждаю сразу – могу обосраться.

Итак, Владимир Владимирович Маяковский – «Флейта-позвоночник», отрывок.

(Исполняют отрывок из «Флейты-позвоночник».)

– Кто еще не говорил тосты в твою честь? Я вижу, Вася.

Г. С.: Вася Мищенко, Дмитрий Владимирович Харатьян. Поднимите руки, кто у нас еще песни поет сегодня. Сережка Воронов, он ждет вашего блюзового слова, понимаешь?

– Кто? Воронов?

Г. С.: Да, конечно. Серег, может быть, это самое, сыграем с тобою.

Г. С.: Чего-то у нас, ребята, здесь то ли телефон у кого-то, то ли еще что-то такое, все заскучали. Может быть, кто-нибудь себя назначит официантом, принесет бухла. Блин, ребята, я просто не выпиваю, поэтому мне всегда как-то жалко людей...

Сергей Воронов: Гарик, еще раз с днем рождения тебя! Надо сказать, что эта песня точно не случилась бы в 1991-м, если бы ты не пришел и не сказал: «Какие-то кусочки текста, я придумал фразу, сколько можно терпеть, надо как-то расширить наброски...» И минут за пятнадцать песня была доделана. Текст практически Гарика.

– Бриллиантовый состав! Сергей Воронов! С песней, слова которой написал Гарик Иванович Сукачев. А также Сергей Мазаев на саксофоне.

(Песни «Сколько можно терпеть», «Скорый поезд придет

только в шесть часов», «Проруха-судьба».)

Г. С.: Да здравствует любовь, ребята!

Дима Харатьян, иди сюда. Мы будем играть, ты будешь только петь. Споем песенку. Димка когда-то жил в маленькой квартирке...

Дмитрий Харатьян: Подожди!

Г. С.: Расскажи ты, господи!

Д. Х.: Я должен сказать, что Гарику обязан практически местом в жизни – он мне открыл глаза на это самое место. Потому что до написания этой песни, которую мы сейчас попробуем исполнить – но я-то попробую, а он исполнит, понятное дело, – я даже не знал, что, оказывается, я живу на нулевом километре Ильинского шоссе. Представляете, прожил сколько лет, уж я не знаю, тогда мне было за тридцать. И пока поэт и музыкант не сочинил песню и не подарил мне, можно сказать, увековечил... Гарик, спасибо тебе.

Г. С.: Рассказал он не все, на самом деле...

Д. Х.: Я не с начала просто... собственно, с финала.

Г. С.: Короче, ребята. Димка с Марусей – Ваня тогда еще не родился, теперь он уже студент...

Д. Х.: Ваня – не Охлобыстин, естественно...

Г. С.: Ваня – сын, Иван Харатьян – не родился, и мы тогда все-таки иногда выпивали, друзья, чуть-чуть. И, соответственно, я уезжал к Марусе и Димке. У них была маленькая комната, их спальня – у них была микроскопическая квартирка двухкомнатная. И вот в этой комнате, в своей спальне,

они меня укладывали. Еще у них был жив чудный пес, его звали Лао. Лао, значит, укладывался рядом с этой... Я уж не помню, диван-кровать, что это было у вас... слишком много лет прошло. А сами они уходили в большую комнату спать, меня никак не трогали. И Иван Охлобыстин был первым, кто научил нас гулять.

Д. Х.: В смысле выгуливать друг друга. Как собачек.

Г. С.: Он мне говорил: «Горыня, надо идти гулять, мы должны пройти хотя бы 30 километров. Если не 30, хотя бы семь». И Димка тогда перенял эту офигенную традицию, и мы с ним уходили гулять всегда на речку, на Москва-реку. У нулевого километра, у столбика, переходили всегда эту дорогу и шли мимо церкви, в которой, кстати, и его и меня крестили, когда мы были совсем маленькими детишками, и шли на Москва-реку. Теперь уже, конечно, этих деревенских домов не осталось – там вырос огромный район...

Д. Х.: Павшинская пойма.

Г. С.: Павшинская пойма... Но песня осталась, понимаешь?

Д. Х.: И нулевой километр остался.

Г. С.: И нулевой километр остался, поэтому я как-то сказал Димычу в каком-то жутчайшем абстинентном синдроме: «Я тебе за это песню напишу». Вот, давайте мы сейчас сыграем за это. Димыч, давай!

(Песни «Нулевой километр», «Колечко».)

Г. С.: Давайте споем пару песен не очень веселых.

– А то до этого мы хохотали как подрезанные (*смеется*).

Г. С.: Нет, но это были песни драматичные. Просто хочется вспомнить Петра Ефимовича Тодоровского. Мы все его очень любили. У меня были сыновьи чувства к нему, он напоминал мне моего отца: замечательным чувством юмора, с полуулыбкой...

(*Песня «Я не видел, ребята».*)

– Горыныч, а скажи мне, зная тебя, как крайне тактичного и мягкого человека...

Г. С.: Слышала, Оля? Я – тактичный и мягкий человек.

– Да, тактичный и мягкий человек, который в моем понимании ни разу не выругался матерным словом. Я хочу спросить – вот расскажи-ка мне, брат, про «Анархию».

Г. С.: Что тебе про нее рассказать?

– Откуда там такие слова?

Г. С.: Но эти слова написал английский драматург – Майк Бейкер. Перевела, прошу прощения, сейчас запомнил фамилию, переводчица, писатель, которая перевела эту пьесу. Вот и все. Она так написана, написано на этом языке, на английском.

– Ну ты, ты – человек, который слово «жопа» при мне никогда не произносил. Как такое могло случиться?

Г. С.: Споем, давайте, «Знаю я, есть края». Мы ее играем редко сейчас.

(*Песня «Знаю я, есть края».*)

Г. С.: Эту песню играл мой отец с нами вместе и на пла-

стинке, и в клипе, и на концертах. Помнишь?

С. Г.: Он сидел чуть-чуть в стороне и всегда играл лучше всех нас.

Андрей Орлов: Один раз мы с Ваней сидели на даче, они собираются, Гарик сказал, что едут в тур. Его отец говорит: «Сколько ты везешь с собой человек?» – «Человек восемь, «Неприкасаемые»». – «Сколько ты им платишь?» – «Батя, ну плачу как плачу». – «Значит, смотри: экономим на всем, я приезжаю за три дня до тебя, раздаю ноты, ты приезжаешь, и группа «Неприкасаемые» уже стоит на сцене». Гарик ему говорит: «Батя, но у меня же музыканты там – Толя Крупнов, Серега Воронов, Паша Кузин». Он говорит: «Хотел, чтоб сын музыкантом стал – не вышло». Игорь подошел: «Батя, у меня в концертном зале «Россия»!» – «Музыканты, Игорь, по нотам играют».

Г. С.: Да-да-да. Ну ладно, давайте.

(Песня «Вальс Москва».)

Группа «Браво»

«Про «Браво» – только одно слово – Браво!» –
Евгений Маргулис.

(Открывают «Квартирник» песней Ray Davies.)

– Думал, начну немного по-другому. Есть какая-то история небольшого сценария, но благодаря этой песне решил поменять всю концепцию праздника. Сейчас объясню почему. Рэй Девис – это музыкант из вокально-инструментального ансамбля Kings, который я страшно люблю, и Женя тоже их любит. И у меня есть один нажабленный для себя артефакт... *(дарит Евгению Хавтану пластинку Kings).*

Евгений Хавтан: Круто, спасибо! Японский?

– От сердца оторвал.

Е. Х.: Знаешь, я тебе тоже что-нибудь подарю тогда.

– У нас такой вариант навороченного квартирника, на самом-то деле, потому что на подобных праздниках такое обилие гитар бывает нечасто.

Е. Х.: Это да, это преступно выглядит.

– Бывает нечасто. «Браво» мне почему-то напоминают сейчас большой такой цыганский оркестр. Я могу объяснить почему, потому что у всех команд, которые снимались у нас до того, самое большое количество участников вместе со мной было человек пять, а тут шалман – там люди с гитара-

ми...

Е. Х.: А я хочу, Жень, сказать, что еще не все пришли, потому что хор – у них сегодня занятие, репетиция, струнная группа уехала на гастроли.

– Ну, это называется концерт такой – междусобойчик, когда в зале сидят хор, скрипачи. Но вас все-таки любят, ребят, вас пригласили без скрипачей – это кайф. И хора.

Е. Х.: А можем играть, да? Стоп-стоп-стоп-стоп. Мы будем останавливаться, извините.

– Не надо останавливаться.

Е. Х.: Не будем, нет?

– Потому что чем хороша вот сама идея квартирников – все-таки я бы оставлял маленькую лажу такую. Вот вы бы остановились, я бы это не стирал. Так что давайте играйте сразу нормально.

(Играют песню «Бег».)

– Играй песню.

Е. Х.: Сейчас, настроимся.

– Ну тогда я еще поговорю. Кстати, по поводу настройки инструментов. У нас в молодости была такая замечательная фраза: настраивается тот, кто не умеет играть.

Е. Х.: Мы хотим ее опровергнуть.

– Подожди, а на больших концертах у вас есть специальный человек, который настраивает?

Е. Х.: Да, сейчас вот настроил не так. Сейчас играл песню – нет, не так настроил ее, там вместо ля звучит си, по-

моему.

– У меня была подобная ситуация у какого-то начальника на дне рождения – там был вокально-инструментальный ансамбль, который играл на тон ниже. И я вышел с ними спеть, спел первый аккорд – они взяли свой, а я взял свой. Получилось... ну, восхитительно.

Е. Х.: А у нас была подобная история, даже еще интереснее. Мы пишем такие плей-листы, и счастье, когда они совпадают у нас всех. Дело в том, что мы любим играть длинные концерты, поэтому склеиваем два таких листочка. И у нас была история – я не хочу сейчас называть, кто это сделал, – он просто по-разному склеил эти листы. То есть там, где была первая песня, – там последняя. Мы выходим играть первую песню, и раз, а там у всех разные песни практически, то есть одни играют одну песню, а другие – другую.

– Потом спасли, переставили местами? А меня Женька не слышит, он в ушах, да?

Е. Х.: Я слышу тебя, да. Это я вижу плохо, слышу хорошо.

– Я слышу тебя, большой папа.

Е. Х.: Ну просто такая техническая здесь возможность.

– Да, я говорю, как человек без наушников.

Е. Х.: Не могу уже, привык. Я должен слышать нюансы.

– Итак, нюансы. «Браво»!

(Песня «Навсегда».)

– Мы с Женей разговаривали перед тем, как выйти на эту искрометную сцену. И он мне рассказал историю первого

коллектива, из которого его прогнали. Это называлось «Редкая птица», и прогнал тебя, по-моему, Галанин, гад.

Е. Х.: И он в том числе, кстати.

– В принципе, у нас с тобой похожие истории – меня в 73-м, по-моему, или 74-м году тоже прогнали.

Е. Х.: Тебя за что?

– А меня за бездарность. Причем это была такая действительно серьезная мотивация. Я не помню, почему пошел играть в оркестр народных инструментов профтехобразования – я не знаю. И была песня, которую я помню до сих пор – «Парень с гармошкой», там было 32 такта. Молчание. А я начал слушать Джими Хендрикса и подумал, что раз такая красота мне досталась – «Эх, парень с гармошкой, девочки какие-то кудрявые...» и пауза – и я там шаршил как полоумный. Пришел дирижер и сказал: «Ты бездарен». Меня прогнали. Все. И что из меня получилось? Посмотрите, что получается из людей, которых прогоняют.

Е. Х.: Меня прогнали за другое.

– Это не важно. Главное, что мы получились. Получились?

(Аплодисменты.)

Е. Х.: Из знакомого – песня следующая.

(Поют «За окном рассвет».)

Е. Х.: Что, играем дальше?

– Ну конечно.

Е. Х.: Сейчас, надену каподастр. Извините за это слово.

– Доктор, просто доктор. Или зубной техник. Для каждой песни свой инструмент.

(Песня «На лунный свет».)

– А хочешь вдогонку сразу следующую, без настройки?

Е. Х.: Сейчас, надо банджо настроить. Сейчас мы сразу сыграем.

– У меня, кстати, в вокально-инструментальном ансамбле играет мальчик по имени Боря Плотников, у которого гармошки как патронташ.

Е. Х.: Он, кстати, у нас играл на этой пластинке. Сыграл отличное соло на губной гармошке.

– Здорово играет, да. И я смотрю на действо, которое происходит, – как тебе подтаскивают то этот рояль, то тот рояль, вечно настраивают... Да брось ты эту ерунду, Жень, играй на одной.

Е. Х.: *(проверяет настройку инструмента)* Вроде нормально...

– Проверять будешь или...

Е. Х.: Нормально, ладно.

– Евгений Хавтан на банджо! На настроенном банджо.

(Песня «Перемена места».)

– Слушай, а еще один вопрос – напomini мне, в каком году у вас засветился в клипе?

Е. Х.: Ааа, вот, да, мы ж еще это не вспомнили. Это было, сейчас скажу – 90 какой там год? «Оранжевый галстук». 93-й. Похоже, да, похоже. Это был он. И причем здорово засве-

тился, кстати, ты спас нам клип.

– Я стал звездой!

Е. Х.: Знаешь, если бы не ты...

– Недавно то ли Валерка Сюткин показал мне его, то ли кто-то из наших близких – я посмотрел и поразился, насколько там я выгляжу как сейчас!

Е. Х.: Это действительно так, Жень.

– У меня шестилетний или семилетний ребенок испугался, когда я вернулся пьяный после этих съемок, в гриме. Он говорит: «Папа, ты заболел?» Я говорю: «Да нет».

Е. Х.: Знаешь, ты хоть вернулся, потому что некоторые мои музыканты через неделю только вообще вернулись после съемок этого клипа.

– Кстати, отличные музыканты, ребята.

(Песня «Минус двадцать».)

– Естественно, у каждого вокально-инструментального ансамбля такого формата есть рояль в кустах. Рояль в кустах сегодня у нас будет Маша Макарова, которая непонятно каким образом здесь оказалась. Маш, иди, я тебе оставлю свое место, потому что стоять тут негде – ну ты видела этот шалман, да?

Е. Х.: Ну, на самом деле мы уже не первый раз с тобой, Маш, поем песни. Мы же пели песни, помнишь? Песню Гарика мы пели, «Верю я».

Мария Макарова: Пели, с Герой Моралисом.

Е. Х.: Ты была вот с таким вот животом. И мы боялись,

что ты родишь прямо на сцене Кремля.

М. М.: Я говорю: «Дети, вы, еще не родившись, уже были в Кремле».

Е. Х.: Ты вот это зря сказала.

(Поют песни «Для тебя», «Шангри-ла».)

– Чтобы занять время, пока Женя будет настраивать гитару, чтобы он не сидел в пустоте, представь, пожалуйста, битлов.

Е. Х.: Сейчас. Паша Кузин.

– Паша Кузин, вау-вау-вау-вау-вау. Да подожди играть, ты чего.

Е. Х.: Не-не, Паш.

Паша Кузин: Представляй, давай, под музыку.

– А, они затеяли шоу. Да на фиг это надо.

Е. Х.: Да, конечно, кому это нужно.

– Паша Кузин.

П. К.: Мне нужно.

Е. Х.: Тогда ты и представляй, если тебе нужно. Паша Кузин – это музыкант, с которым мы играем уже 30 с лишним лет. Группа «Браво» получилась благодаря Павлу, который всех нас взял на базу, и мы у него репетировали, он выдавал нам барабаны. Так, Саша Степаненко – музыкант, который играет на всех инструментах. Это – золотой состав группы «Браво», три человека. Роберт Ленс – солист группы. Михаил Грачев – музыкант, который с нами относительно недавно. Хотя уже сколько, три года? Пять лет уже. Время летит.

Бас-гитара, контрабас, абсолютный слух, человек-тюнер. Когда гитара не строит, или мне нужно проверить, правильно ли настроена гитара, я смотрю на Мишу. Если он вот так делает, значит, гитара не строит. Если все нормально – все, играем дальше. Наша замечательная духовая секция, которая сейчас находится в статусе перкуссии, гитар и что-нить еще, да. Вот такой состав группы «Браво».

– Евгений Хавтан. Гитара, ситара, мандолина, вокал, музыка и прочее-прочее.

(Песня «Этот город».)

Группа «Тайм-Аут»

«Тайм-Аут» – развеселая банда конца 90-х, с безумными песенками и с мотологическими прибабасами, фасон – абсолютно наш! Мы тоже не совсем нормальные, поэтому неплохо собрать двух психов и забалачить что-нибудь специфическое! Как говорится, минус на минус дает неплохой плюс!» – Евгений Маргулис.

– Самый тихий коллектив нашего «Квартирника» – «Тайм-Аут».

Александр Минаев: Спасибо. Надо думать, кого приглашаешь в гости.

– Они прекрасные. Я их знаю очень много лет. И большой кайф вот в чем: хоть мы и настоящая передача – мы не красим морды перед концертом. Вы представляете какой ужас – набриолиненные артисты с уложенными волосами, с гримом поют вот такую песню.

А. М.: А нам нравится. Сейчас будете наблюдать наши малиновые физиономии, как красное солнце.

– Не малиновые.

А. М.: А какие?

– Не малиновые, а зеленые.

А. М.: Зеленые, понятно, с малиновым оттенком. Хорошо, что не синие.

– Саня, пой!

(Песня «Люди как люди».)

– Теперь вернемся тогда к истории твоих первых выступлений как радиоведущего. Это было радио SNC. Сашка мне напомнил, что это был 91-й год.

А. М.: 1990-й.

– 1990-й. Ну, все-таки перестройка, пятое, десятое, появились новые каналы и, конечно же, появились новые радиоведущие. Что они из себя представляли по музыке, вы уже поняли. Дикий, дворовый, наглый, но хороший коллектив.

А. М.: Это у нас акустическая такая программа.

– Да, это акустический квартирник – показать, как они могут играть хорошую мягкую музыку. Но на радио это было что-то невообразимое, потому что было такое ощущение, что пятеро пьяных мужиков гонят совершенно дикую пургу, дичайшую, с какими-то новыми словами, называя друг друга всякими дикарскими кличками.

А. М.: Ну ладно, ладно. Ты уж особо не расходишь. Что значит – фамилия, имя, отчество...

– Фамилия – Акакий Назарович Зильберштейн...

А. М.: Это я, между прочим. Мой компаньон – Торвлобнор Петрович Пуздой.

– Пуздой – это Пашка был?

А. М.: Да. Гагей Гагеевич Сикорский – пожалуйста. Архимандрей Кислородин. Ну а что вы хотели? И Терминатор

Куклачев – повелитель кошек. Все очень просто, приличные люди.

– По-моему, выходили ночью или нет?

А. М.: Нет. У нас эфир был в 15.00, с 15 до 16. Я знаю, что люди брали перерыв на работе типа обедать, и никто не работал.

– Потому что это было невообразимо. Представьте лица советских обывателей, которые слышат: «А скажи-ка, брат Пуздой...» Дальше неслась такая пурга! «Квачи прилетели» – это...

А. М.: Это мы.

– Я знаю. Какой это тоже год?

А. М.: А это все же так, собственно, и началось, у нас и программа называлась «Здрасьтенафиг! Квачи прилетели!»

– Слушай, а скажи, письма читателей и слушателей приходили?

А. М.: Это отдельная тема для разговора. Я такого количества писем больше никогда в своей жизни не видел. Мы получали в неделю два мешка, и это я не вру. Полиэтиленовые мешки – полные писем. Мы их не успевали читать, просматривали. Там были такие гневные письма, даже хотели расстрелять. Да, нас с Пашулей хотели расстрелять перед райкомом на площади. Я не помню, в каком подмосковном городе, но это было.

– А почему перед райкомом? Других мест приличнее нет,

что ли?

А. М.: Я не знаю, почему-то вот именно там.

– Играем?

А. М.: Играем!

(Песня «Ночь-Луна».)

– Сашка, скажи, а вы в «Рок-лаборатории» играли или нет?

А. М.: Да. Мы туда вступили...

– И выступили.

А. М.: Ты знаешь, она как-то тоже слилась. Мы, кстати, прослушивание проходили вместе с Максом Покровским.

– И скажи, ну вы там долго играли или нет?

А. М.: В «Рок-лаборатории»?

– Или только прослушивание и на фиг?

А. М.: Ну, нас туда приняли. Нам сказали: «Вы в «Рок-лаборатории». Мы: «Блин, мы крутые». И ушли работать в филармонию.

– А в какую, кстати, если не секрет?

А. М.: Мы работали в Дагестанской государственной филармонии, Махачкала. Мы там работали года три, наверное. А сам-то в какой работал?

– Сейчас скажу. Я работал в Москонцерте – Московская областная филармония, Чечено-Ингушская филармония и Узбекский цирк.

А. М.: Нет, в цирке мы пару раз выступали, но в цирке не числились.

– Ты знаешь, я вдруг неожиданно вспомнил Ташкентский цирк. История простая. В наше советское время существовали фондовые концерты. Фондовые концерты из себя представляли вот какую вещь: приезжаешь в город, в котором остались какие-то деньги, и выступаешь значительно больше, чем ты это стоишь. В ведомостях ты не расписываешься. Я играл в «Араксе». Мы приехали спасать Узбекский цирк и, естественно, после этих замечательных концертов нагрянула ОБХСС. Но директором Узбекской филармонии был Моисей Израилич Шапиро.

А. М.: Такой типичный узбек.

– Типичный узбек, да. И перед тем как ОБХСС пришла проверять документы, в сейф с документами попала шаровая молния и взорвала его к чертовой матери.

А. М.: Постоянно в Ташкенте такая фигня.

– Это было официально зафиксировано! Поэтому все эти областные филармонии всегда славились своей какой-то внутренней красотой. Пой, Сань, что хочешь!

(Песня «Поезд на Луну».)

А. М.: Мы вам еще отгрузим тут свеженьких песен.

– Давай!

А. М.: Прямо сразу, что ли?

– Конечно.

А. М.: А ты хочешь еще новую или какую-нибудь старую?

– Нет, давайте старую. Мы любим молодых. Давай тогда мы новое сыграем.

А. М.: Давай тогда мы новую сыграем.

– Давай.

А. М.: Тем более она на старые стихи.

– Давай.

А. М.: Ну, старые – вот уже сидит где. Понимаешь? Дайте хоть... Нас никто не слушает, блин, нам хоть где-нибудь...

(Песня «Кохие».)

– Самый нелепый вопрос, который можно задать после исполнения подобных песен: Саня, а какой стиль вашей музыки? Ну, мы как-то так привыкли, что каждый артист придумал себе определенные рамки. Я играю блюз, один играет хард-рок, металл, тут хрен знает что.

А. М.: А мы играем песню про ежа. Я тебе сейчас все объясню. У нас же ансамбль называется как? Ансамбль мотологической музыки – «Тайм-Аут». Соответственно, мы играем мотологическую музыку. Понимаешь? А вот то, что сейчас мы демонстрируем, – это она и есть. Мы даже ее не просто рассказываем – показываем ее. Что ты говоришь, Петрович?

Андрей Родин: Рамок нет.

А. М.: Рамок у него нет, ни одной рамки нет. Вообще человек без рамок.

– Редкий случай коллектива, когда музыка без границ.

(Песня «Йохан Пальч».)

– Слушай, а скажи, а в 1995-м, по-моему, вы играли на Северном полюсе.

А. М.: Совершенно верно.

– А вы ее пели?

А. М.: Мы ее пели.

– А скажи, чего вас туда понесло?

А. М.: Ну, ты знаешь, вообще-то мы туда по делу поехали.

– Ну-ка, ну-ка?

А. М.: Мы участвовали в предвыборной кампании нашего знакомого, бизнесмена из Красноярска – Сергея Зырянова. И все это дело он там организовал. И, в принципе, никакого рок-н-ролла там не должно было быть. Там речь шла о футбольном турнире среди непрофессиональных команд. Там были журналисты, команда КВН «Магма», сборная космонавтов, полярных летчиков, а меня пригласили типа как журналиста, хотя я к этому никакого отношения никогда не имел и не имею до сих пор. Я говорю: «Ну, у всех нормальных турниров должна быть культурная программа». Они говорят: «Конечно». Я говорю: «Я могу обеспечить». Они говорят: «Давайте». А потом говорят: «Слабо на Северном полюсе непосредственно сыграть?» Говорю: «Нет». Ну и пришлось за базар ответить. Мы перли, кстати, на себе туда оборудование: колонки, гитары, стойки, микрофоны. Тащили мы туда, на нас смотрели как на придурков.

– А там же, по-моему, ветрено?

А. М.: Ветрено, да, ветерок.

– И там, по-моему, холодно.

А. М.: Холодно. Там было минус 27.

– Прекрасно.

Александр Минаев: Но это ерунда. И 11 м/с ветер – это еще минус 11. В общем, минус 38.

– Подожди, вы играли спиной к ветру?

А. М.: Нет, мы играли лицом. Мы стояли и играли. Короче, мы выдержали 12 минут. Когда мы все-таки это сделали, на обратном пути нас зауважали те, кто с нами летел, и уже помогали тащить оборудование.

– Слушай, а скажи, вы играли же живьем?

А. М.: Живьем, да.

– А пальцы не примерзали к грифу?

А. М.: Примерзали. Щеки промерзли. Языком, честно говоря, когда вот так дотрагиваешься изнутри, щека была холодной с внутренней стороны. Но прикольно.

– Я представляю, да. Отличный дали концерт. Я играл на морозе где-то градусов, наверное, 20. Рука замерзает в этой позе и, в принципе, вот куда ты ее не переставишь – все уже звучит как надо.

А. М.: А что? Нормально. Только надо песни подбирать.

– Лучше всего песни на одном аккорде. У тебя есть песни на одном аккорде?

А. М.: Ну, только что вот исполнили, практически.

– Не, там три, нормально.

А. М.: Я не знаю, может быть, и есть где-то далеко, глубоко.

– Ну, играйте на двух.

А. М.: Ладно, на двух сыграем. На двух можно!

(Песня «Гуттаперчевая».)

– Прекрасный коллектив. Какая там на фиг мотология?

Чистый панк!

А. М.: Юху!

– Сашка, а вот этот ваш мотологический Новый год, это что?

А. М.: Мотологический Новый год – это прекрасная традиция, которая уже много лет нас преследует. Вообще, мотологический Новый год отмечается летом – 23 июля. Когда мы начали отмечать день в день, нас мотологическая общественность попросила – квачихи, попиндосы, ну, приличные люди... Что такое? Что вы ржете? Перенести на время, когда в Москве все, чтобы можно было отметить не в узком семейном кружочке, а в кругу приличных людей. Ну мы и перенесли на осень. Он плавает у нас каждый год: раз – 17 октября, на следующий год – оба, 22 ноября, лови, да.

– Вот я вам показал сейчас маленький кусочек передачи, который они вели. Кто-нибудь что-нибудь понял?

А. М.: А что, плохо, что ли?

– Прекрасно, отличная команда.

А. М.: Нам тоже нравится. Что мы сейчас сделаем? Мы в импровизационном плане исполним вторую песню, которую мы играли на Северном полюсе. Это «Песня про навоз». Без навоза мы никто.

– Без навоза жизнь – не жизнь *(смеется)*.

(Песня «Песня про навоз».)

А. М.: Хорошо у тебя здесь.

– Люди приличные.

А. М.: Да, люди просто обалдеть! Хорошо, но это тогда уже такая last song.

– Last song, да.

А. М.: Это для тех, кто смотрит нас за границей. The last song!

– Это как раз девиз мотологов – прощаются, но не уходят.

А. М.: Да, это чем мотологи и квачи отличаются от англичан: те сваливают не прощаясь, а мы можем сказать: «До свидания!» – и все равно стоять и ждать.

(Песня «Раз, два, три».)

«Черный Обелиск». Триббют

«Саня Юрасов – бывший директор «Черного Обелиска» и теперь наш музыкальный редактор – давно лелеял мечту собрать дружков Толика Крупнова в одном месте и забачать его нетленки. И наш «Квартирник» как раз и подошел под это бесчинство. Получилось прекрасно!» – Евгений Маргулис.

– Что у нас будет сегодня? У нас будет триббют нашего друга Толи Крупнова, и поэтому все люди, которые были вместе с ним, будут петь его песни. Ура!

(Гарик Сукачев и Сергей Галанин исполняют песню «Я остаюсь».)

– Конечно, большой кайф, что наш вечер открывает эта компания – «Неприкасаемые», – те, кто остались.

Сергей Галанин: Песня дальнбойщика!

(Поют песню «Дорожная».)

– Хочешь, я тебя представлю?

Николай Арутюнов: Ну, хотелось бы.

– Николай Арутюнов! Я помню, как Толя Крупнов играл в ансамбле «Шах»...

Н. А.: И я помню.

– Кстати, с ансамблем «Шах» есть гениальная история про моего сына. Когда мы пришли на концерт, Даньке было три года. Они начинали первыми – куча дыма, какие-то взрывы,

никто не хлопает, и тут картавый голос ребенка: «Папа, это последняя песня?»»

Н. А.: Здравствуйте, кстати, извините, я не поздоровался. Я рад присутствовать на этом концерте. Толик, конечно, был совершенно потрясающий человек. До сих пор в моей памяти остался как один из самых убедительных музыкантов на нашей сцене – очень сильный бас-гитарист, и могу сказать, как певец Толик очень здорово пел, очень стильно. И та брутальность, которую он со сцены буквально забрасывал в зал – это останется навсегда. Готов петь, но песня будет мрачная – «Стена», помните такую?

(Песня «Стена».)

– Юрий Антонов обычно говорил так: «Оркестр»!

Н. А.: Спасибо.

– Девушка, которую я знаю очень много лет, музыкальна до безумия. Она спела все вокальные партии у существующих и несуществующих артистов, по-моему, всего нашего, как это сказать по-русски, постсоветского пространства. Да, она пела и у Толи Крупного – Маша Кац. Я тут неожиданно смотрю на Машку, которую знаю действительно очень много лет, и вдруг первый раз в жизни осознал: она же из «Голоса».

Маша Кац: Вот сволочь какая.

– Ребята, первый раз звезда такого толка пришла к нам на передачу.

М. К.: Да я даже не знаю... все этим сказано.

– Маша Кац!

М. К.: Спасибо. Толик, ну ты знаешь... Ну поехали!

(Песня «Дом желтого сна».)

– На «Квартирнике», посвященному триббюту Толи Крупнова, самая нормальная из всех ненормальных команд – «7Б».

Иван Демьян: Спасибо всем. И мы внесли свой вклад в такого замечательного чувака, как Толя Крупнов. Мы не раз участвовали в триббютах, и мы за искренние настоящие и честные песни. И в нашем репертуаре песня – «Вальс». Поехали домой!

(Песня «Вальс».)

– Дорогие друзья, а сейчас команда, которую лично я обожаю, – это Lukebox Trio. Конечно, удивительно, как они оказались в этом рассаднике рока, я не понимаю.

Игорь Стулов: Ужас, попробуем как-то это оправдать.

(Песня «С тобой».)

– И сейчас я хочу вам представить Сергея Воронова, группа CrossroadZ. Сережка, кстати, долгое время играл с Толей, по-моему, с самого начала «Неприкасаемых».

Сергей Воронов: Чуть-чуть не так: мы играли до начала «Неприкасаемых». Мы с первого момента подружились, причем мы дружили активно. На самом деле это то, что многие знают про Толю, – он любил радовать себя тем, чем хотел. Это, в общем, способность свободного человека. Толя был очень теплым человеком, очень хорошим другом, который знал, когда можно помочь, и делал это. Толя – любовь.

(Песня «Отель исполнения желаний».)

– И после них пойдут актеры, ребята. Но многие сидящие здесь у нас в зале на нашем «Квартирнике» знают, что Толя, помимо того, что был музыкантом, был еще и актером, играл в театре. И поэтому сейчас оправданно выступление наших знаменитых актеров – одним боком к ним принадлежал и Толя. Это Павел Майков и Валерий Трошин.

(Песни «Пельменная», «Дорога в никуда».)

– Настал момент пригласить белокурую красавицу. Алена Свиридова, ребят!

Алена Свиридова: Спасибо, друзья! Толика я, конечно, очень люблю. Песня у меня грустная. Размышления о смерти – они нам, конечно, свойственны, к сожалению.

(Песня «Болезнь».)

– Все знают, что в Толе текла цыганская кровь. И сейчас выйдет совершенно дикая команда по темпераменту, такая же, как этот необузданный конь. Дамы и господа, леди энд джентльмены – Zdob și Zdub. А у вас грустные песни есть?

Роман Ягунов: Знаешь, у нас все песни про красное вино и только одна про белое. И звучит она так: «Белое вино, почему ты не красное?» У меня стопроцентное ощущение, что тусовка очень хорошая – я попал к себе домой, в мир музыки и творчества. К сожалению, с Анатолием не был знаком, хотя уверен, что мы бы подружились. Его музыка и то, что мы здесь собрались сегодня, говорит о том, что он себя обессмертил. А сейчас зажжем!

(Песня «Игрок».)

– А сейчас у нас будет группа «Рондо». И, конечно, в окончании трибьюта должен звучать рок. Посмотрите, Саня Иванов вышел, одетый как рокер. Понятно, что сейчас он грянет и грянет вместе с вами.

Александр Иванов: Анатолий, мы помним и любим тебя. И маленький привет из прошлого. Вспомним нашего друга Анатолия!

(Песня «День прошел».)

Группа «Тараканы!»

«Денис Мажуков – настоящий герой рок-н-ролла. Про таких, как он, говорят так: если навернется наш мир, останутся только тараканы и рок-н-ролл! Точнее и не скажешь. Мы говорим Мажуков, а подразумеваем рок-н-ролл, мы говорим рок-н-ролл – подразумеваем Мажуков. Теперь таких не делают! Эксклюзив! Пользуйтесь на здоровье!» – Евгений Маргулис.

– Я безумно рад, что панк-звезды сегодня у нас в гостях.

Дмитрий Спирин: У меня есть анекдот в ответочку.

– Давай.

Д. С.: Что-то такое происходит на автостраде, что Лужков и его водитель меняются местами в автомобиле. И какой-то гаишник их останавливает, и затем один гаишник спрашивает другого: «Кто это был?» – «Я не знаю, кто он, но Лужков у него водитель». Что-то такое. Я не знаю, кто мы, но Маргулис у нас на... на яйце, или как это называется?

– Вообще звучит как раз в духе панковской истории: «Маргулис у нас на яйце».

Д. С.: На шейкере, ладно. По науке – это шейкер, да, правильно я говорю?

– Ну это весьма прикольно. Опять же, скажу, по жизни мне не приходилось соприкасаться с Димкой. Нет, где-то мы пересекались на каких-то может быть праздниках, каких-то

фестивалях...

Д. С.: Я даже могу сказать, когда это было последний раз. Я сидел в секторе Б-15 спорткомплекса «Олимпийский», а на сцене была группа «Машина времени», праздновала свое 40-летие – это было в 2008 году.

– В 2009-м, да.

Д. С.: Да, группа «Тараканы!» тогда отметилась тем, что записала кавер-версию «Машины времени» про скачки на альбоме «Машинопись». И если бы ты слушал трибьюты в группе, в которой имел честь когда-то играть, может быть, имел бы какое-то впечатление о нас до программы. Потому что там есть кавер-версия, которую мы играли.

– К сожалению, я не слушал, потому что всегда с испугом отношусь, когда музыканты другого порядка начинают лопатить «бетховенов».

Д. С.: Согласен, именно поэтому я тоже не послушал трибют «Тараканов!» еще.

– Меня там зацепили Animal Jazz. Офигительная команда.

Д. С.: Хорошее название для новой песни: «Меня зацепили там Animal Jazz».

Николай Стравинский (*гитарист группы «Тараканы!»*): Скажу даже больше, не будучи участником группы «Тараканы!»...

Д. С.: На момент 40-летия «Машины времени».

Н. С.: Да, я был в Петербурге, и Animal Jazz как раз записывали «Круги на воде». И Женя-гитарист просто надел на

меня гитару и сказал: «Ты должен сыграть соло». И вот то соло, которое звучит в конце этой песни, я сыграл с первого дубля – оно так и осталось на записи.

– Коля!

Д. С.: Ты участвовал в оригинальной записи «Круги на воде»? Интересно, сколько тебе понадобилось дублей для этого соло.

Н. С.: Этого соло там не было в принципе.

– Нет, нет, в оригинале есть, играл не я, но я записывал какие-то такие бэк-гитары. Нет, ну Коля меня сделал.

Д. С.: Это абсолютно поразительно! Я уверен, что сейчас выскажу нашу общую точку зрения – для нас это все равно зайти к Ронни Вуду, например, на кухню! Вот серьезно, «Машина времени» для нас всегда были... ну я не скажу кумиры – для наших родителей это были кумиры – да, но для нас это были непререкаемые авторитеты, и большое спасибо вам за наш...

– Спасибо.

Д. С.: ...за наше счастливое детство, отрочество, юность и студенческие годы.

– Вы обратили внимание, какая приличная команда?

Д. С.: Мы очень-очень-очень приличная группа, потому что воспитывались на песнях «Машины времени» и сольных произведениях Евгения Маргулиса.

– Bay!

Д. С.: Продолжим, пожалуй. Песня, которая посвящает-

ся «Машине времени», группой «Тараканы!». «Мужчины с электрогитарами» – так называется следующее произведение.

– Димка, а мне трясти яичками?

Д. С.: Да, пожалуй!

(Песня «Мужчины с электрогитарами».)

Д. С.: Впервые в нашей истории мы играем сегодня квартирник, спасибо, что позвал, Жень. Мы как раз, знаешь, все время думаем: а как? Как они живут, настоящие звезды русского рока? Неплохо, ты знаешь.

– Не, на самом деле прикольно: были у Маргулиса, у него «Тараканы!». Тоже история, которая никуда не войдет: один мой сценический товарищ любил тайком выскочить на кухню, включить свет и расстреливать их из духовушки. Но, кстати, это поступок.

Д. С.: Ну так себе поступок на самом деле.

– Помните фильм «Собачье сердце»: «Душили-душили, душили-душили...»

Д. С.: Поэтому сейчас песня под названием «Собачье сердце».

(Песня «Собачье сердце».)

– Хотел задать тебе вопрос по поводу выступления на Кубани, где Михаил Сергеевич Боярский, представляя тебя, перепутал имя, фамилию, национальность, отчество, название коллектива. Было такое, да?

Д. С.: Да, конечно.

– А как он тебя назвал?

Д. С.: Дело было так. Выступает такой Михаил Сергеевич Боярский, а фестиваль «Кубана» – друзья, кто, может быть, из вас не в курсе – это изначально фестиваль альтернативного рока. Михаил Сергеевич сомневался, стоит ли ему заряжаться в столь откровенно молодежную тусовку, и даже спросил у своего друга Вали Смирницкого, у Портоса, стоит ли, по мнению Вали, выступать. И Валя сказал: «Да, почему нет». И, соответственно, я был ему обещан в качестве местной части дуэта с ним, для того чтобы ему было ну как-то более сподручно, что ли, выходить на столь молодежную аудиторию. И вот он такой исполняет, уже скоро мне выступать. И я такой думаю, что е-мое, человеку ведь... человек в возрасте... Давайте будем говорить начистоту, да? Ну в возрасте человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.